

В. А. Иванов

Контрреволюционные организации среди гомосексуалистов Ленинграда в начале 1930-х годов и их погром

В августе-октябре 1933 г. Полномочное представительство ОГПУ в Ленинградском военном округе (далее — ПП ОГПУ в ЛВО) предприняло оперативную ликвидацию притонов гомосексуалистов путем арестов их актива и задержаний многочисленных клиентов, проживающих в Ленинграде и его окрестностях. Проводимые мероприятия явно выходили за рамки так называемых «паспортных операций», осуществленных еще зимой 1932 – весной 1933 г. Они не перепоручались органам городской милиции и не предавались широкой огласке. Разработкой операции и ведением объединенного следственного дела занимался Секретно-Политический Отдел (далее — СПО) ПП ОГПУ в ЛВО по причине «особого характера» этого мероприятия, подчеркивая при этом контрреволюционную направленность деятельности данных притонов.

Злые языки в городе, перепевая разного рода эмигрантские и доморощенные сплетни, поговаривали о зачистке Ленинграда от «зиновьевской клиентуры», намекая при этом на якобы неудержимую бисексуальную страсть «Гришки Второго» (кличка Г. Е. Зиновьева по аналогии с Г. Е. Распутиным)¹, которую он якобы «пригрел» здесь, оберегая ее от преследований. Теперь же, когда положение «хозяина» резко осложнилось, у местного ГПУ были развязаны руки по отношению к этой публике и т. п.²

В самой среде гомосексуалистов Ленинграда, испуганных столь неожиданным для них повальным изъятием и изоляцией, на этот счет высказывались самые разные суждения. Одни утверждали о «коварстве более могущественных конкурентов», обделенных педерастической молодежью и прибылью, другие сетовали на «потерю чутья и конспиративности», неприкрытую

Иванов Виктор Александрович,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный работник
высшей школы РФ,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург)

групповщину, публичность сходок и «торгов» и др. Поговаривали также о «международном заговоре» против гомосексуалистов всего мира, особенно после февральских событий 1933 г. в Германии, ареста поджигателя Рейхстага гомосексуалиста Маринуса Ван дер Люббе и устранения Гитлером своего ближайшего сподвижника Рема, заговорщика и педераста³. Считалось, что Сталин не упустит возможности использовать все эти и другие обстоятельства, чтобы окончательно расправиться с оппозиционерами в рядах партии, «опоганив» их имя, честь и достоинство.

Говорили и о том, что возвращающиеся в массовом количестве из ссылки и из мест заключения бывшие кулаки и уголовники несли в городскую среду эти дурные страсти и извращения, увеличивая число пораженных венерическими заболеваниями. Упоминались и беспризорные дети, которых только к июлю 1933 г. в городе и его окрестностях было задержано около 4,5 тыс. человек, еще не задержанными оставалось примерно 1,2 тыс. детей⁴. Один из местных чиновников писал в этот период в ГК ВКП(б) А. И. Угарову «Нас одолевают беспризорные дети...»⁵, которых только в 1930–1932 гг. было арестовано в Ленинграде за совершение уголовных преступлений почти 10,5 тыс. человек⁶. Некоторая часть из них была втянута в педерастические связи, развращая в свою очередь окружающих их детей и подростков.

Как и предполагали городские власти, проводимые акции по задержанию гомосексуалистов не вызвали сколько-нибудь публичного обсуждения и реакции «встревоженной» общественности. Отчасти это объяснялось не только «половой самозакупоркой» (по А. Б. Залкинду) советских граждан, но и, как замечал И. С. Кон, сославшийся в свою очередь на Ш. Фицпатрик, живучестью в российском обществе этого периода «традиций сексуальных стандартов», не противоречащих морали⁷. С этим утверждением вполне корреспондировалось и другое заключение, что ни тогда, ни позднее достоверных сведений о том, в какой степени гомосексуализм был распространен в СССР, не существовало⁸.

Вскоре руководители и исполнители заметили, что эта прослойка «нетрадиционалистов» в Ленинграде была ничтожно мала и не представляла для могущественного партийно-советского ордена никакой опасности. В тоже время, подлинная причина столь свирепого гомофобного террора не совсем прояснена и не изучена до сих пор. Утверждения же американских геев, участников первой в СССР Международной конференции гомосексуалистов (июль 1992 г.) о том, что «...русские активисты из лесбиянок и геев в самые бурные периоды перемен, начиная с 1917 года, боролись за то, чтобы их голос был услышан...»⁹, мягко говоря оказались далеки от истины.

Нами установлено, что каких-либо воззваний, призывов, движений, и уж тем более гей организаций в Ленинграде в 1920-1930-е гг. и позже, они не предпринимали и не имели, а перехваченное в январе 1934 г. контрразведкой ЛВО «Открытое письмо московских и харьковских гомосексуалистов г-ну Маринусу Ван дер Люббе» оказалось доступным небольшому

числу ленинградских педерастов, некоторые из которых «разрабатывались» по совершенно другим оперативным материалам¹⁰. Все, что произойдет с ними во второй половине 1933 г., по праву можно назвать «сексуальным термидором», который, по мысли И. С. Кона, был, одним из элементов общей социально-политической реакции в стране, «действительно начавшейся в 1930-е гг.»¹¹.

Вполне можно заключить, что причины этой первой в истории советской России масштабной «зачистки» в среде гомосексуалистов носят куда более сложный и противоречивый характер, чем это представляется на первый взгляд, и отражают системно-хаотичные, социально-экономические, политико-идеологические, медико-психологические, криминологические, культурологические и иные «болезни» советского общества. С начала 1930-х гг. оно окончательно потеряло сохраняющуюся еще с 20-х гг. статусную определенность и гражданско-правовую институциональность, насильственно «перепрограммированные» в формат сервильных отношений со всевластным государством. Явно активизировался процесс штамповки «социальных ингибиторов» — адептов революционного философского ремесленничества большевиков в вопросах пола и сексуальности, «антикоррозийщиков» общественной морали и нравственности, еще недавно громогласно заявлявших о своей терпимости к сексуально-гендерному диссидентству¹².

Вот уж действительно была права Е. Кербер, утверждавшая в 1933 г., что «В советской России все происходит не так, как ожидаешь»¹³. Не случайно пролетарская революционная брутальность как антипод буржуазной изнеженности, чувственности и утонченности, становится характерной чертой поведения «коммунистических гераклов», расчищающих «авгиевы конюшни» общественной, групповой и личной безнравственности и половой извращенности.

Упомянутая выше Ш. Фицпатрик, анализируя невзгоды городской жизни 30-х гг. в Советском Союзе, утверждала, что в городе все шло кувырком. Ссылаясь на воспоминания одного американского инженера, работавшего в этот период в Советской России, она подчеркивает крайнюю одичалость и ужасающий физический облик городов начала 1930-х годов. Созданию атмосферы дикости и беззакония, пишет она, способствовали бессилие органов правопорядка, плохие жизненные условия, пьянство и скопление беспокойных одиноких мужчин...¹⁴

В некотором смысле в Ленинграде к этому времени было «излишне много»: казарм (военных, сотрудников милиции и др.), насилия (государственного, бытового, уголовного и т. п.), неустроенности (жилья, аборт, разводов, самоубийств и т. п.), патологии (пьянства, хулиганства и пр.), распущенности и развращенности. Н. М. Аничков, комментируя содержание путевых заметок немецкого патолога Людвиг Ашшофа, путешествующего по советской России в 1930 г. вынужден был констатировать глубочайшее разочарование известного ученого всеобщим упадком уровня жизни и нравов советских людей в этот период¹⁵.

К началу 1933 г. Ленинград напоминал большой перевалочный пункт со всеми характерными для него атрибутами: хаотичностью движений различных групп преимущественно из лиц мужского пола, спящих по городу, а также заметного присутствия граждан в форменной военной одежде, довольно свободно и беззаботно болтающихся у кинотеатров, пивных и в парках. Арестованные чуть позже «организаторы педерастических салонов в Ленинграде» практически в один голос утверждали, что в городе в любое время в общественных местах можно было найти клиентов из числа краснофлотской и красноармейской молодежи¹⁶. Неслучайно еще в конце 1930 г. в своем циркуляре № 293/СОУ «О раскрытой контрреволюционной организации и об усилении персональной проработки всех бывших офицеров, академиков царской армии, находящихся на службе в Красной Армии» ОГПУ при СНК СССР указывало на своеобразную вольницу в воинской дисциплине, массовом хождении по городу военнослужащих и прикомандированных, пьянстве среди них и преступлениях¹⁷.

Ничего не изменилось в частях, на военных предприятиях Ленинграда и после этой ориентировки. В июньском циркуляре ПП ОГПУ в ЛВО № 16163 «Об активизации деятельности иноразведок, в связи с оперативным ударом по шпионско-диверсионному элементу, нанесенным операциям 1933 года», вновь указывалось на неорганизованное пребывание военных в Ленинграде, их сомнительные связи и времяпрепровождение и т. п.¹⁸ Только за 1926-1932 гг. население Ленинграда увеличилось на 182 % и достигло 2,8 млн человек. Так, в 1931 г. прирост населения города составил 454 тыс. человек¹⁹. При этом доля мужского населения заметно превышала женскую часть горожан.

Вместе с этим увеличилось и количество преступлений, в том числе на бытовой почве. Пьянство, семейное насилие, злостное хулиганство, изнасилование — нагнетали в городской среде атмосферу грубого мужского доминирования и агрессивности, порождали чувство незащищенности, особенно у подростков и молодых мужчин. Практически за один только 1933 год количество простых и вооруженных убийств, а также краж всех видов возросло почти до 49,5 тыс.²⁰, а самоубийств — более чем на 850 случаев²¹. При этом почти 52 % преступлений совершили взрослые мужчины, тогда как около 44 % самоубийств выпали на долю юношей и молодых мужчин, заметно превысив показатели по женской группе всех возрастов.

Проходящий по делу ленинградских гомосексуалистов И. И. Хабаровский 16 августа 1933 г. так характеризовал общую обстановку в стране и городе, переживаемую в том числе и педерастами. «Знакомясь с тем или иным лицом, я приглашал к себе домой (М. Детско-сельский пр., д. 38, кв. 56. — В. И.), где напоив водкой с соответствующей беседой о плохой жизни и невозможности свободно чувствовать себя в условиях советского строя, давящего и делающего из людей автоматов, а потому, как следствие — заставляющих искать выход из этого в водке, наркотиках и оргиях, дабы забыться...»²²

Неоднократно бывавший на квартире С. А. Степанова (Ланского) — фигуранта следственного дела по обвинению 12 гомосексуалистов Ленинграда, М. В. Колоколов показывал на одном из допросов, как он наблюдал (Лиговская ул., д. 10, комн. 126. — *В. И.*), что все собравшиеся у него педерасты «...считали себя по своей духовной организации рафинированнее, выше и тоньше современников. В гомосексуализме они видели ломку шаблона общепринятых человеческих муже-женских отношений. Проповедовали его как высшую утонченную культуру эмоций, до которой не дорости “хамью современности”»²³. Хотя все «богемщики», кроме М. В. Колоколова (быв. дворянин), происходили из крестьян, рабочих и служащих, хамьем и быдлом они называли по сути всех «традиционалистов» в сексуальных отношениях.

Изучающая этот период С. А. Чуйкина довольно точно подметила, что начиная с первой пятилетки, страх перед государством и чувство незащищенности от произвола властей стали неотъемлемой частью мироощущения советских граждан, носителей прошлой культуры и нравственно-этических представлений и т. п.²⁴ Для этого были вполне очевидные причины.

Во-первых, центральные и местные власти пытались исправить упущения в деле учета и регистрации населения, усилив с конца марта 1931 г., после объявления Главным управлением милиции и Уголовным розыском при СНК РСФСР циркуляра № 32–66 «Об упорядочении работы по учету движения населения», меры по «персонификации» общей регистрации граждан советской России. Нормативный правовой акт обязывал их более детально изучать регистрируемых граждан, иметь полные сведения о них, в том числе частного характера²⁵. Сфера личных (в том числе полороловых предпочтений) соседей по квартире становилась с этого периода официально обсуждаемой, хотя и не сопровождалась пока массовыми карательными акциями.

Во-вторых, вводя повсеместно с января 1933 г. Инструкцию Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР № 3647/60с по регистрации преступников, учету преступлений и мест их скопления и по розыску лиц, Управление рабоче-крестьянской милиции г. Ленинграда и области напоминало, что теперь обязательной регистрации (первые за учетную практику. — *В. И.*) подлежали «все первичные бытовые преступники из среды трудящихся в том числе если они совершали преступление в целях удовлетворения своих низменных потребностей...»²⁶ И хотя преследование любителей анально-генитальных отношений официально вводилось постановлением Президиума ЦИК Союза ССР лишь 17 декабря 1933 г. («Об уголовной ответственности за мужеложство. — *В. И.*), регистрации подлежали все лица, уличенные в этом, или по заявлениям граждан. Сотрудники милиции совместно с медицинскими работниками были обязаны выяснять при этом только вопросы степени «добровольности» и «насилия». Уголовному наказанию подлежало лишь насильственное мужеложство, которое охватывалось составом изнасилования²⁷. К процедуре

«учета», а заодно и профилактики, подключили добровольные формирования из числа актива и общественников.

Таким образом, уже с самого начала 1930-х гг. власти в центре и на местах по сути выступили организаторами кампании по выявлению и шельмованию гомосексуалистов, отобилизовав на их фильтрацию все силовые подразделения и общественность.

Особенно эти усилия властей проявились в ходе установления с конца 1932 г. в СССР единой паспортной системы и обязательной прописки паспортов. Помимо многих функций паспортизации советских граждан, выявленных исследованиями В. П. Попова, Э. В. Суслина и др.²⁸, совершенно незамеченной оказалась еще одна задача по сбору в ее ходе так называемых «компрометирующих» материалов. Только по Ленинграду за период паспортизации с 27 декабря 1932 г. по 17 января 1933 г. было выявлено 2,5 тыс. лиц, на которых были получены компроматериалы разного содержания²⁹.

«Оттранжировав» полученный материал по степени оперативной важности и подучетности, отложив в сторону «до лучших времен» компрометирующие сведения на лиц, подозреваемых в гомосексуализме, в учетно-статистическом отделе ПП ОГПУ в ЛВО смогли более или менее структурировать его лишь к лету 1933 г. Похоже, в этих кратких сообщениях не содержалось никакой «контрреволюционности» и состава преступления. Последующие события показали, что аресты и задержания ленинградских гомосексуалистов осуществлялись, что называется, «с колес», как правило, по полученным данным от допрашиваемых педерастов. Вряд ли «выкосили» их ряды и паспортные операции, в ходе которых за одиннадцать месяцев 1933 г. из Ленинграда было выселено почти 78 тыс. человек, так как практически все арестованные летом-осенью этого года педерасты вполне успешно прошли процедуру прописки новых паспортов³⁰. Между тем, именно массовые паспортные «чистки» наглядно показали всю степень незащищенности общества от проявления охранительной функции советского государства, очистительного замысла властей.

Общей атмосфере неуверенности и раздраженности, неустроенности личной, приватной жизни и отношений в городе способствовали конфликты в жилищной сфере. При стремительно возрастающем количестве его населения с начала 1930-х гг., в обеспечении жилой площадью явно возникла коллапсирующая ситуация. При официально отмеченной численности горожан в 2,8 млн человек, в 1932 г. в Ленинграде насчитывалось всего 15 449 тыс. кв. м жилого фонда³¹. Однако следовало иметь в виду, что в эти расчеты входила вся общая площадь так называемого «жилого фонда», а не только «спальные места». По подсчетам специалистов, в 1932 г. город нуждался как минимум в 1500 тыс. кв. м³². Спрятанные директорами по оргнабору на территориях заводов,строек и разных учреждений города, рабочие с их семьями в этот расчет не входили, усложняя тем самым и без того невыносимые условия своего существования. Как подмечали В. С. Измозик и Н. Б. Лебина, эти условия жизни приезжих повергали в ужас даже выдавших виды функционеров из Москвы³³. Как показали

материалы уголовных дел по ленинградским гомосексуалистам, некоторые молодые «отходники» из числа этих рабочих становились легкой добычей местных педерастов. Практически публичными оставались в этот период и интимные, эротически-чувственные отношения мужчин и женщин в условиях городских коммуналок и общежитий.

Невероятно тяжелые жилищные условия заставляли семьи ютиться на ничтожно малой площади и в значительной степени провоцировали уход мужей, особенно после рождения ребенка³⁴. К тому же, как замечают Н. Б. Лебина и М. В. Шкаровский, «женщины первой в мире страны социализма категорически не хотели рожать детей»³⁵, довольно часто прибегая к искусственному прерыванию беременности. Так, из официально зарегистрированных в 1932 г. 147 337 зачатий чуть более 90 тыс. были прерваны, что составило 61,1 % к числу зачатий. В 1933 г. это вмешательство возросло почти до 70 %³⁶. Часть фигурантов дел ленинградских гомосексуалистов утверждала, что в семейных отношениях они довольно часто испытывали состояние физиологического и психического утомления и острое чувство жизненного безвкусыя. Половое равнодушие нередко вызывало у них и половое отвращение к женщине как любимому партнеру. Многие из них опасались роста вероятности «подхватить» венерические болезни, учитывая, например, то обстоятельство, что к началу 1930-х гг. в Ленинграде до совершеннолетия половые отношения начинали 77,5 % юношей и 68 % девушек. При этом значительная часть молодых людей имели одновременно по 2–3 интимных партнера³⁷. Возросло число разводов пар, не проживших и года. В 1933 г. в Ленинграде их число превысило 12 тыс., не считая тех «гражданских союзов», в результате которых довольно часто появлялись дети³⁸.

Стремительное распространение пьянства, рост алкоголизации, и как следствие — смертности населения Ленинграда, неприкрытая похабщина, массовое хулиганство среди молодежи и подростков вели ко вседозволенности, повальному хамству и распущенности среди жителей города. Арестованные летом-осенью 1933 г. педерасты не сговариваясь утверждали о том, что места их публичных сборов, «смотрин» и «свадеб» были известны в городе абсолютно всем, и что на них можно было довольно часто встречать «людей в форме и хорошо узнаваемых творческих личностей»³⁹. Обвиняемый в содержании педерастического салона Л. К. Лисенко признавался 14 августа 1933 г.: «Не может быть, чтобы все было так мерзко. Разве педерасты не люди, не работники тех же предприятий, не члены профсоюзов, а иногда и партии? Не может быть чтобы все педерасты были “Сережами-Пупсиками”, ведущими свою контрреволюционную агитацию на глазах милиции в Екатерининском сквере»⁴⁰. Эти признания местных гомосексуалистов, в протоколы допроса которых местные чекисты, везде вписавшие слоган «контрреволюционная(ый)», косвенно подтверждались жесткими требованиями приказа ПП ОГПУ в ЛВО № 307/с от 7 сентября 1933 г. «незамедлительно очистить город и пригород, общественные места от разного рода разложившихся, асоциальных типов...»⁴¹

В начале 1930-х гг. «коронными» местами постоянных публичных сборищ гомосексуалистов в Ленинграде, как и прежде, были Екатерининский сквер у Александрийского театра, который в их кругах получил название «катыкиного зада»⁴², а также новый (к 1933 г. — *В. И.*) общественный туалет у Московского вокзала, где только в этих местах в выходные дни, по утверждению арестованного В. Д. Малюкова, собиралось до 150–200 сторонников однополый любви. До лета 1933 г. излюбленным местом встречи питерских геев был и бульвар Профсоюзов (до 1918 г. — Конногвардейский. — *В. И.*), но после стихийно возникшего там мордобоя и разгона последних со стороны краснофлотцев — переместился, заметно умножив «колонию» педерастов у общественных туалетов в районе Аничкова моста, консерватории (Театральная пл.), моста лейтенанта Шмидта, на пл. Островского и в пивной на пр. Володарского. Статус «элитных» мест поддерживали тусовки гомосексуалистов в Александровском саду (с 1936 г. — Сад трудящихся. — *В. И.*), прозванном педерастами «Потником» и «Аликаздиком», и саду у городского цирка Чинизелли (по имени Г. Чинизелли — главы гастролировавшей в Петербурге цирковой семьи. — *В. И.*), прозванный педерастами «собачьим». К «небогемным салонам открытого типа» в этот период относился Таврический сад (с 1930 г. ПКЮ им. Первой пятилетки. — *В. И.*), особенно после устраиваемых там периодически стихийных разгонов надоедливых гомосексуалистов силами красноармейцев и краснофлотцев. По свидетельствам педерастов со стажем, в «тавриде» были самые дешевые клиенты из числа рабочей и армейской молодежи. «Постоянные дежурные точки» педерастов, со слов все того же Л. К. Лисенко, обретались «в туалетах во дворах, близ лежащих домов по Невскому и Толмазову переулку (во дворе к/т „Аврора“)»⁴³.

О том, что происходило в этих и подобных им туалетах, рассказывал все тот же многоопытный педераст Л. К. Лисенко: «В общественных уборных... собираются педерасты, устраивая в них не только массовые совокупления друг с другом, но и хватая входящих посетителей за член и понуждая их к половому сожителству. При этом практикуются, как онанизм, так и педерастия чередующаяся с минетом. Потрясающее бесстыдство этого дикого разврата заставляет ошалевших людей иногда беспрекословно подчиняться ему...»⁴⁴ Говоря о «педерастической рекламе», Лев Константинович, проходя одновременно и по отдельному следственному делу по обвинению гомосексуалиста И. Н. Скобелева, живописал: «Зайдя в любую общественную уборную, бросаются в глаза надписи сделанные педерастами об их готовности служить для общего пользования где и как угодно. Надписи подкрепляются соответствующими им рисунками. Здесь же указания — приди тогда-то и туда-то»⁴⁵.

Как могло случиться, что в высшем большевистском руководстве, где его партийные чины были хорошо знакомы, например, с оценкой Ф. Энгельса о сущности гомосексуализма как процесса «превращения свинства в теорию» (письмо К. Марксу от 22 июля 1869 г. — *В. И.*) и той морально-политической опасностью для партии и государства, которую он таит в себе, а также помнящие разоблачение В. И. Лениным сторонников гомосексуализма как

«изнеженной развращенной и выродившейся общественной группы, являющих собой образец самого гнусного паразитизма»⁴⁶, почти два десятилетия фактически не замечалось явление, которое, на его взгляд, вдруг приобрело столь внушительную угрозу для безопасности государства?

Как бы неожиданно к лету 1933 г. выяснилось, что гомосексуализмом в Ленинграде охватывались охвачены самые разные слои населения, а педерасты, по оценке властей, срослись с опаснейшими врагами советской власти и государства. «Вдруг» обнаружилось, что у государства даже нет соответствующего правового обеспечения борьбы с ним, а действующие законодательные акты применяются лишь по отношению к насильникам-педерастам в режиме соответствующей аналогии и т. п.

На деле большевистскому лицемерию не было предела. Следует сразу заметить, что научное определение и практический смысл гомосексуализма (гр. *homos* — одинаковый, взаимный + лат. *sexualis* — половой) как полового влечения к лицам своего пола, большевистские вожди и их ставленники на местах, безусловно, понимали хорошо. Знали они и что такое педерастия и педераст, неоднократно употребляя эти выражения при оценках своих недавних союзников и друзей, правда, чаще не в узком смысле слова как половой акт через задний проход между мужчиной и мальчиком, или как о человеке, обуреваемом содомией, оскотинившемся половом извращенце, сексуальном падальщике, а широко — как изгадившихся политических сутенерах, двурушниках.

Очевидно, не все им было понятно с педикаторами, кинедонами, парафилией и т. п., но сложившуюся ситуацию вокруг гомосексуализма вообще и педерастии в частности, в советской России в период с 1917 по 1934 г. ни казусом, ни парадоксом не назовешь, и уж тем более неосмотрительностью большевиков — больших ревнителей пролетарской, социалистической нравственности.

В оценках гомосексуализма и педерастии в особенности в эти годы у властей, общества и церкви сложилось несколько принципиально отличных друг от друга представлений и позиций. Вместе с тем, по ряду оценочных подходов точки зрения совпадали. При этом как у сторонников, так и у противников свободной любви главным объектом в оценочных суждениях и действиях выступало не собственно явление, как сложный конгломерат определенных зависимостей, а сам гомосексуалист, «отчужденный» от социально сконструированной среды, как чувственно иной, и в некотором роде закрытый, непроницаемый.

Во-первых, некоторые были убеждены в болезненном психо-физиологическом происхождении этого, как им представлялось, недуга, аномалии, излечить которые при помощи социального (педагогического, карательного и др.) «врачевания» попросту невозможно.

Сторонники данного подхода пытались найти научное объяснение этому феномену. В арсенале их аргументаций были довольно убедительные факты. В расчет шли не толь-

ко лабораторные и специальные наблюдения, но и авторитетные, на их взгляд, заключения и факты из истории полорольевых отношений в истории человеческого общества. Им показалось убедительным высказывание И. Блоха, который, ссылаясь на знаменитого арабского врача средневековья Ибн Сина (Авиценна), утверждал, например, что педерастия есть «физический недостаток»⁴⁷, а И. С. Кон, исследующий эту проблему в советской России в 20-е–30-е гг., был абсолютно убежден, что советская медицина придерживалась в этот период официальной позиции по поводу гомосексуализма как трудноизлечимой, или даже вовсе неизлечимой болезни⁴⁸.

Считалось также, что немецкий психиатр Рихард фон Крафт-Эбинт (1840–1902 гг.), чьи труды были хорошо известны в советской России, научно обосновал выводы о том, что гомосексуализм не есть проявление злой воли, а болезненное расстройство, которое следует не карать, а лечить⁴⁹. Он, в частности, отмечал: «У мужчин физиологически единственным эрогенным поясом является головка полового члена и, быть может, также кожа наружных половых органов. При патологических условиях задний проход может также быть эрогенной областью, и этим вероятно, объясняется... и пассивная педерастия»⁵⁰.

Правда, проходивший по делу ленинградских гомосексуалистов педераст И. Н. Скобелев по кличке «Жанетта», оказался единственным из 175 арестованных в августе-октябре 1933 г. приверженцев свободной любви, кто был признан медицинской комиссией психически больным, и в конце сентября этого же года помещен в психбольницу для принудительного лечения⁵¹. Возможно, прав Ф. Каприо, изучавший эти проблемы, что гомосексуалисты как группа не понимает своего «бессознательного», вследствие этого находя трудным делом дисциплинировать себя⁵².

Во-вторых, было немало тех, кто считал гомосексуалистов и особенно педерастов преступными типами, извращенцами, умышленно разлагающими молодых людей, дискредитирующими общественную нравственность и советскую власть. Одни подозревали, что существованию гомосексуальных половых отношений способствовала ничем не прикрытая гомосексуальная проституция в Ленинграде все 20-е гг. Другие приписывали исключительно им широко распространяющиеся в городе венерические заболевания, хулиганство и изнасилования.

Представляется, что в этих суждениях и пересудах большинства горожан отражались некие защитительные рефлексии, всегда срабатываемые в ситуации какой-либо дисгармонии общественной жизни и отношений. Разумеется, мало кто из них знал, что среди арестованных в Ленинграде педерастов в августе-октябре 1933 г. не было ни одного уголовника-рецидивиста. Следственные действия осуществлялись в отношении 89 служащих, 29 артистов и художников, 14 научных сотрудников и преподавателей, 24 рабочих, 2 служителей культа, 2 лиц без определенных занятий, а также 13 безработных, большинство из которых не было удовлетворено предложенными им условиями работы и т. п.

В то же время и в городских медицинских кругах были специалисты, которые рассматривали педерастию прежде всего как следствие развращенности, приводя, в частности, классический пример с ситуацией, когда пассивный и перекресный онанизм становился предтечей и других половых извращений. Если при этом находился соблазнитель, как утверждал все тот же Рихард фон Крафт-Эбинг, с чьим мнением многие были согласны, то онанист превращался в педераста. Советские специалисты соглашались с его оценкой и о старых развратниках, пресыщенных нормальными половыми наслаждениями и ищущих в педерастическом акте новых, неиспытанных ощущений. «Таким путем, — писал немецкий психиатр, — они временно восстанавливают свою психическую и физическую потенцию, нередко очень ослабленную»⁵³. Показания арестованных педерастов «в возрасте» Н. Н. Ефремова, М. П. Бычкова, М. П. Хохлова, Н. И. Буркова и других полностью подтверждали это научное наблюдение выдающегося психиатра и отечественных специалистов. Неудержимым поиском новых ощущений объясняли, например, свои «томления и страсти» С. Е. Мемех, женатый ленинградец, имеющий 5 детей от 9 до 23 лет, и Г. М. Павлов, проживавший с женой и 3-мя детьми 24-х, 22-х и 17 лет на Загородном пр., д. 98, кв. 8, а также некоторые другие педерасты⁵⁴.

Проводящим расследование сотрудникам ПП ОГПУ в ЛВО, очевидно, и в голову не приходила мысль о связи сексуальной извращенности их подследственных, например, с природой неврозов⁵⁵, или мысль рассматривать подобные извращения как состояния, при которых появляется патологическая направленность полового влечения и искажаются формы его реализации⁵⁶. Более того, не делались попытки даже поверхностного анализа различных психогенных и средовых факторов, воздействующих на формирование у психопатических личностей сексуальных извращений. Ни в одном следственном деле педерастов, в том числе и И. Н. Скобелева (официально признанного больным. — *В. И.*), нет и намека на то, что на возникновение извращений у них заметную роль сыграли, и не могли не сыграть психические травмы, полученные в детстве, неправильное половое воспитание, ранние половые контакты, связанные с изнасилованием и растлением. Современник этих событий А. Б. Залкинд писал о том, что «половые извращения всегда указывают на грубый период половой жизни в сторону голой чувствительности, на резкий недостаток социально-любовных стимулов в половом влечении»⁵⁷. Чаще всего именно в этих «недрах» формировались сексуальные садисты с их выраженным нарциссизмом, испытывающие эмоциональную изолированность даже при наличии взаимоотношений, общения и социального взаимодействия⁵⁸.

Не один только И. Блох, но и многие другие, в том числе Рихард фон Крафт-Эбинг подчеркивали влияние исключительно мужского времяпрепровождения (в казармах, кораблях, тюрьмах и др.), при котором «развращенность является средством полового удовлетворения за неимением лучшего...»⁵⁹ Неслучайно клиентами так называемых «салонов» ленинградских гомосексуалистов, по версии ПП ОГПУ в ЛВО, были преимущественно красноф-

лотцы и красноармейцы местного гарнизона, реже молодые рабочие предприятий города и студенты.

В-третьих, в самой среде гомосексуалистов, судя по следственным материалам, полагали, что большевистский переворот впервые в российской истории создал условия для подлинной сексуальной революции, а начавшиеся гонения на педерастов в Ленинграде расценивали как «предательство», отказ властей от прежней толерантности в оценках и к практике однополрой любви и отношений.

Гомосексуалисты в советской России, очевидно, были уверены в том, что вопросами сексуальной ориентации правящая большевистская элита умышленно не занималась на протяжении нескольких лет после 1917 г.⁶⁰ Как известно, царское антигомосексуальное законодательство было отменено не большевиками, а Временным правительством, а с отменой СНК РСФСР старого Уложения о наказаниях соответствующие его статьи также утратили юридическую силу. В то же время, в Уголовных кодексах РСФСР 1922 г. и 1926 г. гомосексуализм не упоминался вообще, хотя, как полагает А. М. Смирнов, отношение большевистского руководства к гомосексуализму и его представителям было скорее враждебным, и они, в частности, могли преследоваться за содержание притонов разврата⁶¹. Поэтому объединенное следственное дело № 6174 (1933 г.), расследуемое СПО ПП ОГПУ в ЛВО, первоначально получило название «Объединения гомосексуальных притонов в г. Ленинграде», куда и подтянули не только их владельцев, но и установленных клиентов.

Действительно, уголовному наказанию (по Кодексам 1922 и 1926 гг. — *В. И.*) подлежало лишь насильственное мужеложство, которое, как мы уже замечали ранее, охватывалось составом изнасилования. После 1926 г. насильник мог получить наказание до 5 лет лишения свободы. Статьями 166, 167, 168 УК РСФСР 1922 г. и статьями 151,152 УК РСФСР 1926 г. устанавливалась уголовная ответственность и наказание в случае добровольного полового акта (простого, а также сопряженного с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах) с лицом, не достигшим половой зрелости, а также развращенный малолетних или несовершеннолетних, совершенного путем развратных действий в отношении их. Получалось, что только добровольность и совершеннолетие становилось для гомосексуалистов советской России важной «государственной гарантией» их безопасности при получении наслаждения «мечтаниями вместе».

В эти годы среди советских гомосексуалистов широкое распространение получили разговоры о вступлении СССР в 1928 г. во Всемирную лигу сексуальных реформ, основанную М. Хиршфельдом, посетившим СССР еще в 1926 г. по приглашению советского руководства и якобы заявившим на Копенгагенском конгрессе (1928 г.), на котором и была основана эта Лига, о том, что советская Россия была единственной образцовой страной секс-терпимости. Правда, Вильгельм Райх, австрийский врач и психиатр, посетивший Москву в 1929 г. в надежде найти здесь «мекку сексуальной свободы», был поражен половым аскетизмом и жесткими

моралистическими установками⁶². Не знали советские педерасты и о том, как тот же М. Хиршфельд, будучи руководителем Научно-гуманитарного комитета, пытался через советское посольство в Берлине в 1928 г. выяснить сущность психиатрического лечения гомосексуалистов в СССР в эти годы, а позже, после 1933 г., призвавшего Запад более критичнее относиться к так называемой гомосексуальной свободе в советской России.

Ответы на эти и другие вопросы апологетов свободной любви о положении и судьбе гомосексуалистов в СССР, по мысли руководства страны, можно было найти в Большой советской энциклопедии, где отмечалось, что «советское законодательство не знает так называемых преступлений, направленных против нравственности. Наше законодательство, исходя из принципа защиты общества, предусматривает наказание лишь в тех случаях, когда объектом интереса гомосексуалистов становятся малолетние и несовершеннолетние»⁶³. Однако, как справедливо замечает Т. М. Смирнова, тень сомнения на «разложившиеся в бытовом отношении» элементы вы атмосфере нарастания социальной агрессии и психоза доносительства начала 1930-х гг., уже была брошена⁶⁴. Практически сформировалась новая категория так называемых социально опасных элементов, тлетворных и вредных, в число которых были отнесены властями и гомосексуалисты.

Разумеется, речь шла об обычных, рядовых гражданах страны. Покаявшийся в апреле 1939 г. бывший Нарком внутренних дел Союза ССР Н. И. Ежов в «длительной подверженности пороку педерастии»⁶⁵, хотя об этом знал еще ранее И. В. Сталин, его соратники и многие другие, после антигомосексуального закона 1933 г. к ответственности привлечен не был, а напротив, — активно двигался по служебной лестнице. Раздраженный тем, что из тюрем ГУГБ НКВД СССР в его адрес постоянно поступают письма оскорбительного содержания, в которых он именуется то «папой» (активно-пассивным педерастом. — *В. И.*), то «петухом», «козлом», «чушком» и т. п., он приказал в феврале 1937 г. посадить в карцер на 20 суток заключенных Ш. А. Карсанидзе, В. М. Смирнова, В. В. Кузьмина, Д. И. Строгонова, Р. М. Гольдберга, Г. Г. Марголина-Сигала, А. Н. Гогуа и многих других за эти выпады⁶⁶. Получается, что Сталин учился у Ленина, который, по оценке А. М. Смирнова, вынужденно терпел гомосексуалиста Г. В. Чичерина, последовательницу свободных сексуальных отношений А. М. Коллонтай и других «нетрадиционалистов» в своем окружении⁶⁷.

Можно лишь предположить, что значительной части ленинградских гомосексуалистов к началу 1930-х гг. было известно отношение православной церкви и правоверных прихожан к их богопротивному пороку и действиям. Обычно не только священнослужители, но и простые миряне помнили о наставлении из книги Левит «не ложится с мужчиною, как с женщиною: это мерзость»⁶⁸, а также осуждение поступков, когда «...мужчины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение», ставшее известным верующим и иным через Послание к римлянам святого апостола Павла⁶⁹.

Надо ли говорить о том, что в российском обществе советского периода было далеко не терпимое отношение к гомосексуализму вообще, и его адептам в частности. Гомосексуализм очевидно воспринимался в сознании верующих людей и их окружающих единомышленников как искажение, сознательное извращение Божьего замысла в человеке⁷⁰.

Мерзопакостный опус типа «Иисус Христос — гомосексуалист», сочиненный украинским эмигрантом В. Бульбой⁷¹, оскорбительно рассуждающим о русской православной нравственности, можно расценить лишь как жалкую попытку реабилитации педерастов перед обществом. Они, как показывал на следствии Л. К. Лисенко, не раз в «Собачем саду» становились участниками «философского» диспута, вроде «Был ли Христом гомосексуалистом», весь смысл которого сводился едва ли не к определению их извращенности как божественной святости⁷².

Наиболее пренебрежительное отношение к гомосексуалистам, а также разного рода извращениям и психически неуравновешенным гражданам, проявляли в этот период сотрудники органов милиции, государственной безопасности, суда и прокуратуры, работники райкомов и райисполкомов и других советских учреждений, которые в 1920-е — начале 1930-х гг. были втянуты в жилищно-бытовые «разборки» с участием, по их оценкам, этих квазисоветских личностей, на их взгляд — маргинальных субъектов, ненадежных, опасных типов и т.п.

Изучавший криминологические проблемы в области половых отношений П. И. Люблинский в середине 1920-х гг. предупреждал власти и «правоохранителей» от поспешных оценок пагубного влияния гомосексуализма на советское государство и общество. Он перечислял типичные, с его точки зрения, заблуждения, фобии и мифы в отношении к гомосексуалистам, имеющие широкое распространение в советском обществе этого периода. Автор был убежден в том, что государственные соображения, выдвигавшиеся против гомосексуализма и его носителей, должны были прежде всего исходить «из учета практической пользы от карательного вмешательства государства в области этих отношений»⁷³.

А. Б. Залкинд в свою очередь призывал в этот период активизировать классовость «всего общественного процесса, придать отношениям большую социальность, классовую ненависть с тем, чтобы погасить, в том числе, «безответственно легкое половое насыщение»⁷⁴. Именно этот призыв, опасный по своей сути и направленности, и был реализован властями при помощи правоохранительных органов, в которых, как считает С. Щербаков, «интенсивно насаждалась весь советский период гомофобия и склонность к насилию по отношению к «голубым»⁷⁵.

Выявлять лиц с пониженной социальной ответственностью и морально разложившихся требовал от органов госбезопасности на местах циркуляр ОГПУ при СНК СССР № 209/СПО в 1932 г. «Об усилении оперативного обслуживания учащейся молодежи и интеллигенции»⁷⁶. В мае 1933 г. еще один циркуляр ОГПУ СССР № 72 «Об организованных и оперативных

мероприятиях в связи с проведением паспортизации» ставил задачу по оказанию помощи местным органам милиции по наведению должного порядка в городах, на железных дорогах и в населенных пунктах путем проведения тщательной проверки прошлого и настоящего всех сомнительных лиц, связанных с преступными и антиобщественными группами...⁷⁷ Речь шла в том числе и о гомосексуалистах, проститутках, ворах-гастролерах, и др. 12 августа 1933 г. начальник Управления рабоче-крестьянской милиции г. Ленинграда и области в своем приказе № 65/с высказывал неудовольствие общим ходом и итогами проверки этих лиц и мерами по их репрессированию⁷⁸.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в Ленинграде «очистке» подверглись не только партийные оппозиционеры, но и проститутки, гомосексуалисты, другие деклассированные типы. Расправам над ними практически никто не сочувствовал. «Немного ли у нас в городах всякого сброду?» — переспрашивали друг друга горожане. Поэтому, когда в ноябре 1929 г. расстреляли нескольких уголовников с партийными билетами, рабочие некоторых крупных заводов с одобрением встретили этот акт. «ГПУ — молодец, говорили рабочие фабрики им. Я. М. Свердлова, ни с кем не считается, арестовывает и расстреливает самых наименее ответственных работников...»⁷⁹ В этом угаре расправ ленинградские педерасты вообще могли стать хламом, мусором, лишними людьми. Летом — осенью 1933 г. так оно и случилось.

¹ Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 184.

² У Г. Е. Зиновьева в этот период действительно были не самые лучшие времена. В октябре 1932 г. он был повторно исключен из партии и, по его же оценке, совершенно не владел обстановкой в Ленинграде. (См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 79.)

³ О поджоге Рейхстага (Из «Коричневой книги»). М., 1933. С. 17, 25.

⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 774. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 72.

⁶ Там же. Л. 75.

⁷ Кон И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М., 1997. С. 129.

⁸ Гомосексуализм. Проституция. Методическое пособие / Авт.-сост. В. И. Чемоданов, А. В. Гришин. М., 1990. С. 6.

⁹ Хождение по канату с ограниченными средствами и другие революционные действия Джули Дорфи и Маши Гессен // Ты. Иллюстрированный журнал для гомосексуалистов и лесбиянок. 1992. № 1. С. 9.

¹⁰ Иванов В. А. Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в советской России в конце 20-х–40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 59–61.

¹¹ Кон И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. С. 139.

¹² Хили Д. Однополый секс в России (1917–1965). М., 1997. С. 4.

¹³ Кербер Е. Как советская Россия борется с преступностью. М., 1933. С. 61.

¹⁴ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 64, 66.

¹⁵ *Аничков Н. М.* Людвиг-Ашофф: 145 лет со дня рождения // Архив патологии. Т. 73. 2011. № 1. Январь-февраль. С. 9.

¹⁶ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — АУФСБ РФ по СПб и области). Д. П–82 888 (1933): В 8 т. Протокол допроса В. Д. Малюкова; показания Л. К. Лисенко; протокол допроса И. И. Хабаровского; протокол допроса Е. Г. Геркена; протокол допроса В. А. Александрова и др.

¹⁷ Там же. Ф. 8. Оп. 2. П. 66. Т. 2. Л. 192.

¹⁸ Там же. П. 93. Л. 427.

¹⁹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 4965. Оп. 3. Д. 2. Л. 41.

²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2501. Л. 52.

²¹ ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 3. Д. 1. Л. 26.

²² АУФСБ РФ по СПб и области. Д. П–82888 (1933). Протокол допроса И. И. Хабаровского от 16 августа 1933 г. Копия. Т. 8. Л. 2.

²³ Там же. ФУД. Следственное дело № 20644 (1934): В 2-х т. Т. 2. Л. 163, 164.

²⁴ *Чуйкина С. А.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 54, 58.

²⁵ Отдел специальных Фондов Информационного Центра Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области (далее — ОСФ ИЦ ГУВД СПб и области). Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 11,12.

²⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

²⁷ *Смирнов А. М.* История государственного преследования и преступности в отношении лиц с сексуальными инверсиями в зарубежных странах и России / Под ред. докт. юр. наук, докт. мед. наук, проф. Б. А. Спасеникова. М., 2011. С. 134.

²⁸ *Попов В. П.* Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 3–6; *Суслин Э. В.* Анализ правового режима паспортного контроля в СССР в предвоенный период // История государства и права. 2006. № 1. С. 34–36.

²⁹ АУФСБ РФ по СПб и области. Ф. 8. Оп. 24. П. 9. Л. 289.

³⁰ Там же. Арх. № 97 (1933). Л. 18.

³¹ Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 4. Д. 4. Л. 70.

³² ЦГАИПД СПб. Ф. 24 Оп. 1. Д. 316. Л. 86.

³³ *Измозик В. С., Лебина Н. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920–1930 годы. (Социально-архитектурное микроисторическое исследование). СПб., 2010. С. 151.

³⁴ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. С. 169.

³⁵ *Лебина Н. Б., Шкаровский М. В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.): Предисл. И. С. Кона. М., 1994. С. 208.

³⁶ ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 3. Д. 2. Л. 65.

³⁷ *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999. С. 272. — Как утверждает Ш. Фицпатрик, несмотря на то, что уже в середине 1930-х гг. советское государство перешло на позицию защиты семьи и материнства, в стране до 1940 г. существовал «институт свободного брака», и что государство тем не менее становилось на сторону женщин, занимаясь упрочением семьи, борясь с легкомысленными отношениями к ее созданию (См.: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. С. 172–173).

³⁸ ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 3. Д. 2. Л. 6.

- ³⁹ АУФСБ РФ по СПб и области. Д. П–82888 (1933). Т. 8. Протокол допроса В. Д. Малюкова от 1 сентября 1933 г. Л. 5, 6; Протокол допроса Л. К. Лисенко от 15 августа 1933 г. Л. 1–7; и др.
- ⁴⁰ Там же. П–9702 (1934). Показания Л. К. Лисенко от 14 августа 1933 г. Л. 28.
- ⁴¹ Там же. Ф. 8. Оп. 59. П. 90. Л. 108.
- ⁴² *Синдаловский Н. А.* Пороки и соблазны Северной столицы. Советская и уличная жизнь в городском фольклоре. М., 2007. С. 328.
- ⁴³ АУФСБ РФ по СПб и области. Д. П–82888. Т. 8. Показания Л. К. Лисенко от 15 августа 1933 г. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же. Обвинительное заключения по следственному делу № 6174 (1933). Л. 20.
- ⁴⁵ Там же. Д. П–9702. Л. 26.
- ⁴⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 203; *Ленин В. И.* Соч. Изд. 2-е. Т. 12. С. 94–95. — Автор статьи умышленно отсылает современного читателя к работам классиков марксизма-ленинизма (опубликованным на момент событий, связанных с репрессиями гомосексуалистов в советской России) для наиболее полного представления о возможностях партийно-советских функционеров знакомиться с их содержанием в начале 1930-х гг.
- ⁴⁷ *Блох И.* История проституции. СПб., 1994. С. 516.
- ⁴⁸ *Кон И. С.* Сексуальная культура в России: клубничка на березке. С. 152.
- ⁴⁹ *Крафт-Эбинг Р.* Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства. М., 1996. С. 6. — Один из первых переводов данной работы в России в 1902 г. был официально уничтожен по постановлению Комитета министров, но уже в 1906 г. был вновь издан в Санкт-Петербурге без всяких сокращений и стал одной из авторитетнейших работ в России по этим проблемам.
- ⁵⁰ Там же. С. 53.
- ⁵¹ АУФСБ РФ по СПб и области. Д. П–9702 (1934). Следственное дело Скобелева И. Н. Л. 50.
- ⁵² *Каприо Ф.* Многообразие сексуального поведения. М., 1995. С. 114.
- ⁵³ *Крафт-Эбинг Р.* Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства. С. 562.
- ⁵⁴ АУФСБ РФ по СПб и области. Д. П–82888 (1933). Т. 8. Л. 43,48.
- ⁵⁵ *Паджаковска К.* Извращение. М., 2002. С. 47, 48.
- ⁵⁶ Сексуальные извращения: Отклонения в сексуальном поведении человека. М., 2004. С. 4.
- ⁵⁷ *Залкинд А. Б.* Половой вопрос в условиях советской общественности: Сб. статей с предисл. автора: Два года дискуссии по половому вопросу. Л., 1926. С. 58.
- ⁵⁸ *Ткаченко А. А.* Сексуальные извращения — парафилии. М., 1999. С. 223–224.
- ⁵⁹ *Крафт-Эбинг Р.* Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства. С. 561.
- ⁶⁰ *Щербаков С.* Снова об Уголовном кодексе // Ты. Иллюстрированный журнал для гомосексуалистов и лесбиянок. 1992. № 1. С. 26.
- ⁶¹ *Смирнов А. М.* История государственного преследования и преступности в отношении лиц с сексуальными инверсиями в зарубежных странах и России. С. 133, 134. — Д. Хили считает, что большевики принимая новые Уголовные кодексы оказались заложниками своей декларации о свободе личности, разрешив таким образом и свободу в области сексуальных отношений. См.: *Хили Д.* Однополый секс в России (1917–1965). С. 4.
- ⁶² *Кон И. С.* Сексуальная культура в России: клубничка на березке. С. 151.
- ⁶³ *Серейский М. А.* Гомосексуализм / Большая Советская Энциклопедия. Т. 17. М., 1930. С. 593.
- ⁶⁴ *Смирнова Т. М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003. С. 228–229.
- ⁶⁵ *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов / Н. Петров, М. Янсен. М., 2008. С. 28–29.

⁶⁶ ОСФ ИЦ ГУВД СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 22 об.

⁶⁷ *Смирнов А. М.* История государственного преследования и преступности в отношении лиц с сексуальными инверсиями в зарубежных странах и России. С. 134.

⁶⁸ Левит. Гл. XVIII. Ст.22 / Толковая Библия. Кн. 1. Комментарий на все книги святого писания / Под общ. ред. А. П. Лопухина. М., 2004. С. 208.

⁶⁹ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические в русском переводе с Параллельными местами. М., 1992. С. 189.

⁷⁰ *Ельников С.* Православное учение о человеке и гомосексуализм / Человек и пол. Гомосексуализм и пути его преодоления / Пер. с англ. М., 1998. С. 9.

⁷¹ *Евгеньев К.* Иисус и его двенадцать любовников // АРГО. Иллюстрированный эротический литературно-публицистический журнал для геев. 1996. № 4. С. 6.

⁷² АУФСБ РФ по СПб и области. Д. П–82888 (1933). Т. 8. Показания Л. К. Лисенко от 30 августа 1933 г. Л. 5.

⁷³ *Люблинский П. И.* Преступления в области половых отношений. М.; Л., 1925. С. 128.

⁷⁴ *Залкин А. Б.* Половой вопрос в условиях советской общественности: Сб. статей с предисл. автора: Два года дискуссии по половому вопросу. С. 34.

⁷⁵ *Щербаков С.* Снова об Уголовном кодексе С. 27,28.

⁷⁶ ОСФ ИЦ ГУВД СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11. Л. 136.

⁷⁷ АУФСБ РФ по СПб и области. Ф. 8. Оп. 59. П. 92. Л. 387.

⁷⁸ ОСФ ИЦ ГУВД СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 197–199.

⁷⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 7. 1929 год. М., 2004. С. 656.

Ivanov V. A. Counterrevolutionary Organizations Among Leningrad's Homosexual Population During the Early 1930s and Their Destruction

ABSTRACT: The uncomfortable on-going discussion about the margins of the new Soviet man's sexual morals was brought to a close at the beginning of the 1930s by the "muscle men" of the OGPU, who referred to Leningrad's homosexuals as the "scoundrels who tarnished the revolution." This article reconstructs one of the specific campaigns that repressed the fictitious "pederastic counterrevolution" in the summer and fall of 1933 and its consequences.

KEYWORDS: "pederastic counterrevolution", sexual perversion, male homosexuality, pederasts' dens, homophobia.

AUTHOR: Doctor of History, Professor, Honored high school educationalist of Russian Federation, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg); saw357@mail.ru

REFERENCES:

¹ *Zalesskii K. A.* Imperiia Stalina. Biograficheskii entsiklopedicheskii slovar. Moscow, 2000.

² *Izvestiia.* 1989. N 7.

³ *O podzhoge Reikhsstaga (Iz "Korichnevoi knigi").* Moscow, 1933.

⁴ Saint-Petersburg Central State Archive of Historical and Political Documents.

- ⁵ Kon I. S. Seksualnaia kultura v Rossii: klubnichka na berezke. Moscow, 1997.
- ⁶ Gomoseksualizm. Prostitutsiia. Metodicheskoe posobie / Avt.-sost. V. I. Chemodanov, A. V. Grishin. Moscow, 1990.
- ⁷ Khozhdenie po kanatu s ogranichennymi sredstvami i drugie revoliutsionnye deistviia Dzhuli Dorfi i Mashii Gessen // TY. Illiustrirovannyi zhurnal dlia gomoseksualistov i lesbiianok. 1992. N 1.
- ⁸ Ivanov V. A. Missiia Ordena. Mekhanizm massovykh repressii v sovetskoi Rossii v kontse 20-kh–40-kh gg. (na materialakh Severo-Zapada RSFSR). St. Petersburg, 1997.
- ⁹ Healey D. Odnopolyi seks v Rossii (1917–1965). Moscow, 1997.
- ¹⁰ Kerber E. Kak sovetskaia Rossiia boretsia s prestupnostiu. Moscow, 1933.
- ¹¹ Fitzpatrick S. Povsednevnyi stalinizm. Sotcialnaia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod. Moscow, 2001.
- ¹² Anichkov N. M. Liudvig-Ashoff: 145 let so dnia rozhdeniia // Arkhiv patologii ARKHIV PATOLOBII. Vol. 73. 2011. N 1. January-February.
- ¹³ Archive of St. Petersburg FSB office.
- ¹⁴ Saint-Petersburg Central State Archive.
- ¹⁵ Chuikina S. A. Dvorianskaia pamiat: "byvshie" v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30-e gody). St. Petersburg, 2006.
- ¹⁶ Information Center' Department of Special Collections of St. Petersburg and Leningrad region Main Office of Interior.
- ¹⁷ Smirnov A. M. Istoriia gosudarstvennogo presledovaniia i prestupnosti v otnoshenii litc s seksualnymi inversiiami v zarubezhnykh stranakh i Rossii / Pod red. dokt. iur. nauk, dokt. med. nauk, prof. B. A. Spasennikova. Moscow, 2011.
- ¹⁸ Popov V. P. Pasportnaia sistema v SSSR (1932–1976 gg.) // Sotciologicheskie issledovaniia. 1995. N 8.
- ¹⁹ Suslin E. V. Analiz pravovogo rezhima pasportnogo kontroliia v SSSR v predvoennyi period // Istoriia gosudarstva i prava. 2006. N 1.
- ²⁰ Russian State Economics Archive.
- ²¹ Izmozik V. S., Lebina N. B. Peterburg sovetskii: "novyi chelovek" v starom prostranstve. 1920–1930 gody. (Sotcialno-arkhitekturnoe mikroistoricheskoe issledovanie). St. Petersburg, 2010.
- ²² Lebina N. B., Shkarovskii M. V. Prostitutsiia v Peterburge (40-e gg. XIX v. — 40-e gg. XX v.): Predisl. I. S. Kona. Moscow, 1994.
- ²³ Lebina N. B. Povsednevnaia zhizn sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody. St. Petersburg, 1999.
- ²⁴ Sindalovskii N. A. Poroki i soblazny Severnoi stolitsy. Sovetskaia i ulichnaia zhizn v gorodskom folklore. Moscow, 2007.
- ²⁵ Marx K., Engels F. Soch. T. 24.
- ²⁶ Lenin V. I. Soch. Izd. 2-e. T. 12.
- ²⁷ Bloch I. Istoriia prostitutcii. St. Petersburg, 1994.
- ²⁸ Krafft-Ebing R. Polovaia psikhopatiia, s obrashcheniem osobogo vnimaniia na izvrashchenie polovogo chuvstva. Moscow, 1996.
- ²⁹ Caprio F. Mnogoobrazie seksualnogo povedeniia. Moscow, 1995.
- ³⁰ Pajaczkowska C. Izvrashchenie. Moscow, 2002.
- ³¹ Seksualnye izvrashcheniia: Otkloneniia v seksualnom povedenii cheloveka. Moscow, 2004.
- ³² Zalkind A. B. Polovoi vopros v usloviakh sovetskoi obshchestvennosti: Sb. statei s predisl. avtora: Dva goda diskussii po polovomu voprosu. Leningrad, 1926.
- ³³ Tkachenko A. A. Seksualnye izvrashcheniia — parafilii. Moscow, 1999.
- ³⁴ Shcherbakov S. Snova ob Ugolovnom kodekse // TY. Illiustrirovannyi zhurnal dlia gomoseksualistov i lesbiianok. 1992. N 1.
- ³⁵ Smirnova T. M. "Byvshie liudi" Sovetskoi Rossii: Strategii vyzhivaniia i puti integratscii. 1917–1936 gody. Moscow, 2003.
- ³⁶ Petrov N., Jansen M. "Stalinskii pitometc" — Nikolai Ezhov / N. Petrov, M. Jansen. Moscow, 2008.
- ³⁷ Sereiskii M. A. Gomoseksualizm / Bolshaia Sovetskaia Entsiklopediia. Vol. 17. Moscow, 1930.
- ³⁸ Levit. P. XVIII. St.22 / Tolkovaia Bibliia. Kn. 1. Kommentarii na vse knigi sviatogo pisaniia / Pod obshch. red. A. P. Lopukhina. Moscow, 2004.
- ³⁹ Bibliia. Knigi Sviashchennogo pisaniia Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie v ruskom perevode s Parallelnymi mestami. Moscow, 1992.
- ⁴⁰ Elnikov S. Pravoslavnoe uchenie o cheloveke i gomoseksualizm / Chelovek i pol. Gomoseksualizm i puti ego preodoleniia / Per. s angl. Moscow, 1998.
- ⁴¹ Evgenev K. Iisus i ego dvenadcat liubovnikov // ARGO. Illiustrirovannyi eroticheskii literaturno-publicticheskii zhurnal dlia geev. 1996. N 4.
- ⁴² Liublinskii P. I. Prestupleniia v oblasti polovykh otnoshenii. Moscow; Leningrad, 1925.
- ⁴³ "Sovershenno sekretno": Lubianka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.). Vol. 7. 1929 god. Moscow, 2004.